

Взгляд Клейна, мимоходом окидывающий всех вокруг, на мгновение остановился на этом знакомом человеке.

Клейн вмиг почувствовал сверхъестественность реакции этого человека, ведь духовное чутьё полубога безошибочно улавливало такое.

У Клейна напряглись мышцы спины, а мысли стали носиться, пуская умозрительные искры.

Он не сразу отвёл изумлённый взгляд, продолжал смотреть на полубога, что был, по подозрениям, с пути Чёрного Императора. Улыбнулся Махту и сказал:

- А это место на самом деле не только для офицеров-ветеранов.

Словно бы наблюдал внимательно, но оговорился в бессмысленной светской болтовне.

Махт усмехнулся.

- Любой клуб выходит за рамки своих прежних ограничений, когда развивается.

Он как бы и не дал ответа по делу, по сути, но если вдуматься, то всё-таки как бы подразумевалось что-то эдакое или же, быть может, что-то совершенно противоположное.

Тут широкоплечий длиннорукий джентльмен в чёрном костюме тоже вполне естественно, непринуждённо обернулся. Взглянул на этих двоих и заметил, что магнат, пожертвовавший пятнадцать тысяч фунтов, смотрит на него и его товарищей и в это время шёпотом на что-то обращает внимание Махта.

Тот почувствовал тогда, что этот удивлённый взгляд был скорее естественной реакцией узнавшего о роде деятельности полубога.

Затем отвёл взгляд и продолжал разговор.

И в эти мгновения у Клейна спина была вся в холодном поту, а ноги подкашивались.

Хоть Клейн в каком-то смысле и раньше сталкивался с этим полубогом, и даже боролся, но чтобы так вот близко встретиться в таком ограниченном пространстве, где за доли секунды можно оказаться в опасности, это случалось впервые. И что важнее, Клейн был совсем не готов к встрече с полубогом. Не только марионетки при себе не имел, а всего-то Предвестника Смерти, медный свисток Азика да гармоника искателя приключений.

Скипетр Морского Бога с собой пронести было невозможно. Да к тому же его применение было строго ограничено условиями среды, если их не соблюдать, можно было устроить масштабные разрушения. Будь при Клейне Гримуар Грозеля, тот мог бы затянуть его в книжный мир. А выбираться оттуда было бы очень затруднительно. На Всепожирающем Гладе отсутствовала печать, и потому его каждый день нужно было кормить. Без крайней необходимости его нельзя было до срока вынимать. Амулет Пиявка Судьбы был сделан из Червя Времени, так что неизвестно было, не привлечёт ли он Амона. Клейн, разумеется, не осмеливался брать амулет с собой, ведь применить его, нужно было успеть очень быстро.

Если этот полубог, по подозрениям, с пути Чёрного Императора, уже заметил, что с Клейном что-то не то, тот мог придумать только одно оптимальное решение.

А именно, поиграть на гармонике и вызвать мисс Посланицу, чтобы она помогла сбежать из Бэкленда через духовный мир!

Клейн никогда не думал позволить Рейнетт Тинекерр ввязаться в открытый бой, пока сам будет сбоку с Предвестником Смерти наизготовку ждать возможности начать выстрелить. Ведь то был Бэкленд, вотчина власть предержащих Потусторонних. При выдающейся внешности мисс Посланицы тот человек запросто мог бы вменить преступление ей, и Клейна тогда ждало бы нападение уже не одного этого полубога. Число полубогов и мощных Запечатанных Артефактов неизбежно должно было увеличиваться.

- Как это всё мучительно... - Клейн благоразумно решил вовремя отвести взгляд. С помощью способностей Клоуна удержав подкашивающиеся ноги, совершенно обычно и естественно прошагал к двери.

Не спросил Махта, кто эти люди, чтобы не показывать интереса, чтобы и дальше выглядело так, как будто это просто беглый, случайно брошенный взгляд.

Но тот человек, обернувшись, явил Клейну свою наружность.

У полубога были густые, но довольно аккуратные чёрные брови и короткая уставная стрижка на жёстких волосах, тоже чёрных. Глаза тёмно-синие, переносица прямая и высокая, а над губами темнели пышные усы. Лицо было вытянутое, с чёткими чертами и жёсткими, грубоватыми изгибами.

То был человек изрядно мужественного вида, лет, вероятно, тридцати или сорока с чем-то. Возраст трудно было определить.

Из одной только его внешности Клейн уловил, здесь больше сходства с полубогом пути Арбитра, чем Чёрного Императора.

Конечно, держался этот полубог скорее похоже на Воина, но был слишком низкорослым.

Клейну, прямо и ясно взглянувшему на него, не нужно было больше никого расспрашивать. Можно было непосредственно обратиться к Арродсу за ответом. А если даже Клейн опасался ещё волшебного зеркала, то всегда мог поручить мисс Сию и мисс Шэрон простое наведение справок.

Клейн был уверен, что как бы успешно ни скрывался этот полубог, но должность вряд ли занимал низкую. Было бы легко выяснить, кто он.

Один шаг. Два. Три. Клейн совершенно обычно вышел из Клуба ветеранов войны Восточного Балама.

А сев в карету, прислонился к стенке, закрыл глаза и сидел тихо, неподвижно несколько секунд. И про себя протяжно вздохнул.

– В череде разрозненных улик, что ведёт к истинным причинам Великого Бэклендского смога, наконец, снова появляется связность...

Клейн не открывал глаза, не произнёс ни слова, словно заново продумывал деловые проблемы, которые перед этим обсуждал. Но, по правде говоря, это затем, чтобы успокоить взвинченные нервы.

В это время Клейн понял, что Ричардсон несколько раз пытался что-то сказать, да всё осекался, прикрывал рот снова и снова, словно что-то его обрывало, тормозило.

И, в конце концов, так и не сказал ни слова, сосредоточившись на приготовлении чёрного чая Маркиз для хозяина.

Под впечатлением от случившейся перед этим встречи Клейн какое-то краткое время не в силах был обращать внимание и задумываться, вникать в поведение Ричардсона и притворился, будто не замечал.

В покое, среди которого лишь колёса ровно гремели, вернулись на улицу Бёкланд, 160.

Поднявшись на третий этаж, Клейн собрался было пойти принимать ванну, приготовленную ему горничной, и тут Ричардсон с шляпой и тростью в руках сделал два шага вперёд и сказал учтиво:

– Сэр, вы в ближайшее время отправляетесь на Южный континент?

– Да, – честно отвечал Клейн. Он даже приготовил пятьсот фунтов наличными, чтобы их выдали экономке Танедже на ежедневные нужды резиденции Дуэйна Дантеса во время его пребывания на Южном континенте.

Тем временем Клейн всё лучше понимал, насколько в высшем обществе важно иметь дворецкого и камердинера.

Многое от них не мог утаить хозяин, а посему любой конфликт в вопросах веры и политического уклона неизбежно требовал смены этой прислуги.

Ричардсон, появившись, сказал:

– Сэр, я родился на Южном континенте и свободно говорю по-дутански. И ещё мне очень хорошо знакомы разные местные традиции. Пожалуй, я вам буду полезен.

Дутанский был народным языком древней Баламской империи. В современном Восточном и Западном Баламе граждане до сих пор говорили на этом языке. Лишь представители среднего и высшего классов знали такие иностранные языки, как древнефейсакский, лознский и интисский.

Клейну в этом отношении повезло, ведь древний Балам некогда был объединённой империей, и в ней существовал истинный бог. А потому, хоть в разных штатах был разный выговор, но для всех единым был дутанский. Единым был и письменный язык. Это Клейна избавляло от множества трудностей.

– Если бы я столкнулся с дюжинами или более чем сотней диалектов и языков, вот была бы головная боль... Но дутанский и древнефейсакский – не одной семьи. Я не смогу выучить языки разных ветвей, выучив один древнефейсакский. Найти переводчика просто необходимо. О, кажется, Андерсон бегло говорит по-дутански. Вроде бы он никогда не упоминал никаких трудностей в общении, на которые можно наткнуться в Западном Баламе... – Клейн дослушал Ричардсона и вдруг понял, что его тормозило.

Ему, как камердинеру, необходимо было следовать за хозяином, куда бы тот ни отправлялся. А для дворецкого это было необязательно.

Это также подразумевало, что камердинер служил хозяину чем-то вроде секретаря в повседневной жизни. В некоторых случаях камердинеры выполняли роль делового секретаря.

Ричардсон явно наслаждался жизнью в Бэклэнде и всеми её дарами. Не хотел возвращаться на Южный континент, видеть там пейзажи и обстановку, напоминающую о прошлом, а потому, сев в карету, пытался оговориться об этих своих особенностях, но так и не смог ничего вымолвить. И желал, чтобы Дуэйн Дантес нашёл кандидата получше.

Клейн на миг задумался и затем сказал:

– Я догадываюсь, что вы не любите Южный континент. Так почему же вы мне вот это говорите?

Ричардсон медленно склонил голову, вперил взгляд в пальцы ног.

– Вы дали мне возможность приобрести опыт, возрасти. Я уверен, что смогу помочь вам.

– Простая благодарность... А если бы ты не обмолвился об этом, никто бы и не знал, что ты говоришь по-дутански. Ты же всё-таки родился и вырос в поместье в колонии Восточного Балама... – Клейн внимательно оглядел Ричардсона, про себя хмыкнул-усмехнулся и отпустил несколько горестно-колких мысленных замечаний.

Но брать с собой этого своего слугу на Южный континент Клейн не планировал. Во-первых, тогда бы трудно было выполнять некоторые задачи. Во-вторых, если узнает какой-нибудь член Зловещего Епископата, состоящий в Обществе возрождения нации, это могло бы сказаться на всей последующей жизни.

Клейн засмеялся и отвечал:

– У меня там множество друзей. Все они свободно говорят на дутанском и хорошо знают тамошние традиции. Хмм, а у вас будут дела поважнее. Оставайтесь в Бэклэнде. Помогите мне доставить в нужное время друзьям подарки. Я выдам список имён, когда придёт пора. А ещё побольше читайте газеты и подмечайте возможности для инвестиций, и заодно проведите проверки на месте. И в конце отчитайтесь мне. Я попрошу мадам Танеджу особо приготовить кое-какие средства для этого.

Ричардсон, не скрывая приятного удивления, проговорил:

– Да, сэр. Я-я очень постараюсь.

В этот миг он ощутил, что ему поручили какую-то важную роль, и в глазах у него помутилось от волнения.

Впервые с самого своего рождения он почувствовал надежду на будущее, появилось что-то, чего он стал чаять, с нетерпением ожидать.

Отпустив Ричардсона, Клейн расслабился в тёплой ванне, успокаивая свои перенапряжённые нервы. А потом надел пижаму и вернулся в спальню. Там, взяв ручку и бумагу, начертил символ, в котором соединялись сокрытие и подглядывание в тайны.

Поверхность ростового зеркала зазыблилась водянистым светом, и серебристое сияние образовало слова на лознском:

"Верховный Великий Магистр, ваш верный и нижайше покорный слуга Арродс здесь, прибыл на ваш призыв! Вы собираетесь снова уезжать из Бэклэнда?"

Клейн кивнул:

- Да.

Не дожидаясь, когда Арродс велит задать вопрос, Клейн спросил сам:

- А на Южном континенте я по-прежнему смогу с тобой связаться?

"Разумеется! Только если вы достанете тот магический радиопередатчик", - быстро образовались серебристые слова на поверхности зеркала. - "Но вам нельзя надолго оставлять его в реальном мире и слишком часто использовать. Там огромное количество благополучателей Матери Древа Желания, и "Она" через него может отследить вас".

Клейн легонько кивнул и спросил:

- Что ты знаешь о Матери Древа Желания?

Арродс внезапно замолчал. Только спустя очень долгое время в его серебристом свечении образовалось законченное предложение:

"Я не смею рассказывать это, и показывать, тоже не смею".